

Б Р О В И

Д. ЧУТРОВА

16+

Дарья Дмитриевна Чупрова

Брови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43631466

SelfPub; 2019

Аннотация

ВНИМАНИЕ! Книга не является пособием по уходу за бровями: их рисованию, выщипыванию и прочим ухищрениям. "Брови" это повесть, история взросления, принятия себя и мира вокруг. Героями становятся не только люди, но и музыка, звуки. Все это в истории одной "почти" любви. (Почти ли?). Что делать, если в компании ты чувствуешь себя не в своей тарелке, а твои идеалы оказываются не такими уж идеальными? Как одна маленькая деталь может поменять жизнь и что с этим делать?

БРОВИ

Часть 1

Глава 1

А-а-а-а-а-а...о-о-о...а-а-а-а-а

В голове моей шумит. Фен Ленки Медведевой высушивает не только белоснежную шевелюру, но и, возможно, остатки ее мозгов. А-а-а...о-о-о...а-а-а-а-а...о-о-о-о... Она смотрит на меня своими пушистыми глазами. Именно пушистыми, ведь у нее так много ресниц.

Тонкая, похожая на картинку девушка. Все в ней ладно, особенно нравятся мне кисти ее рук. Я всегда замороженно наблюдаю за руками людей – порой они могут рассказать гораздо больше, чем их выдрессированные спокойствием лица.

А-а-а-а...о.

Чпок. Дующий зверь замолкает.

– Ну, как? – Она с удовольствием продолжает запускать

длинные пальцы в чистые волосы. Я оцениваю ее взглядом.

– Очень хорошо, прям вот замечательно, аж сладко во рту стало, сейчас стошнит.

Лена смеется своим голосом-колокольчиком и целует мою теплую щеку влажными мягкими губами. Я, естественно, фыркаю и всячески демонстрирую недовольство, но мы обе знаем, что это не больше чем спектакль. Она идет на кухню и начинает петь популярную попсовую песенку. Я остаюсь у зеркала и смотрю на себя строго, недобро.

– Тьфу, мерзость.

Собственно, ничего сверхмерзкого я там и не увидела, но мне так хочется чего-то другого, даже толком не пойму чего. Может быть, отражения Ленки?

Она мне нравится, нравится даже больше, чем должна привлекать просто подруга. Но вы не подумайте, я в принципе люблю все красивое. Бывает, иду по центральной улице и смотрю на небо, а там – закат, как полосы ровный, дом старинный большой вдалеке, и так это все складывается, склеивается, как картина настоящая. Вот и стою я посреди улицы с глазами туманными, как пьяная, смотрю на здание, на

розовое марево, фиолетовые линии... А за домом этим, кажется, и вовсе весь мир кончается, и стоит он весь такой, затыкает собой дыру в пространстве, убери его – белое пятно и останется. А пока он на месте – все хорошо, все правильно.

Впрочем, эти мои наблюдения не приводят ни к чему особенному. А жаль.

Ленка выходит из кухни с двумя желейными конфетками в руках. Хитро щурясь, она бросает мне одну, та падает, а я неуклюже пытаюсь словить конфету, хотя она уже лежит на полу. Р – значит реакция! Видите, здесь я тоже достаточно заурядна.

Лена критически осматривает мою жующую фигуру:

– Давай я тебя покрашу?

– Художником себя возомнила? Обойдусь, я уже покрашена.

Ленка игриво смыкает губы, и тонкая улыбка делает ее еще более прекрасной.

– Накрашена, да не так. Ну, лапочка моя, ну прошу тебя, дай сделаю из тебя конфетку!

Лена ш-ш-ш-ур-ш-ш-ит фантиком и кидает желтенькую сладость себе в рот. Я глубокомысленно и театрально продолжаю:

– Мда. Сложно в этом мире быть женщиной.

– Становись феминисткой! Как Катька! М?

– Думаю, в наше время давно пора защищать права мужчин, а не женщин.

Ленка круглит на меня глазища, а я продолжаю:

– Чего корежишься? Я серьезно. Детей с кем оставляют, практически всегда с матерью! Право на сексуальность у кого? У женщин, мужчины здесь остаются за бортом, просто не понимая, как ее выразить, а современная медиакультура им в этом и вовсе не помогает, сводя все к канонам женской привлекательности, которая явно не подходит мужчинам, ну, или упрощая ее до примитивизма... А работа? Вот много ты знаешь мужчин-воспитателей? – Пока я говорю, подруга хмурится и задумчиво покусывает нижнюю губу, мне нравится, когда она такая, и я с удовольствием продолжаю: – Так что не все у них радужно, ой не все...

– Стоп, остановись! – Лена выбрасывает вперед свои фар-

форовые ручки, делая абсолютно театральные жесты. – Хотя ты довольно милая, когда начинаешь умничать, у тебя появляются такие забавные складочки прямо во-о-о-от здесь, – она нежно, но с напором тыкает мне своим прекрасным пальцем между бровей, был бы третий глаз – выдавила, точно говорю.

– По-моему, сама идея борьбы за чьи-то права в двадцать первом веке как ничто подчеркивает не схожесть, а именно различность тех, кто борется, с теми, с кем борются. Смысл есть отстаивать общие права человека, будь то мужчина, женщина или ребенок.

– Или даже Денчик?

– Ну, палку-то не перегибай.

Мы начинаем хохотать. Я давно смирилась с амплуа горе-влюбленной и не только не обижаюсь на шутки, направленные в эту сторону, но и всячески сама пытаюсь обогатить эту часть моей жизни юмором. Я давно выросла из подростковых ночных страданий в холодной постели, умыванием слезами и целованием взасос подушки, когда ее пуховые углы превращаются в нежные широкие плечи... Между прочим, подушки не самые плохие целовальщики, я вам как специалист говорю!

Вот так мы и подошли к тому, почему же я всегда немного грустная. Дело даже не в моем неудавшемся романе и не в постоянных секундных встречах с объектом моих желаний, а просто в том, что я слишком много думаю. А делаю я это постоянно. Гадость какая.

Шучу. Конечно, шучу. И все же я человек печальный, вечно недовольный, но улыбающийся. Вот так. А Ленка другая. Ей впору становиться актрисой, с ее зелеными глазами-бусинами, этими пластмассовыми ресницами, точь-в-точь как с обложек журналов. Не люблю я этого притворства. Но Ленку люблю, вот и живу в вечном противоречии со всеми и вся, с собой и с теми, кто прошел рядом.

Леночка продолжает собираться и ходит по дому взад и вперед, виляя упругими круглыми бедрами. Я пялюсь на нее и думаю, что она слишком откровенно одевается, но если быть до конца честной, я бы и вовсе щеголяла нагишом, обладая теми же достоинствами, что и подруга.

В ее квартире я чувствую себя свободней, чем дома, могу позволить себе забраться в кровать или взять любую книгу без спроса.

Ленка включает старый диск. Да, да – именно диск, нашей любимой группы – и мы забываемся. Ей одеваться еще полчаса, успеем прослушать все. Каждая песня имеет свой отпечаток тоски в моих воспоминаниях, каждой мы присвоили событие, связывающее нас с любовными переживаниями. Мы орем отдельные строчки наиболее яростно, только вдвоем понимая, что за этим кроется. Это только наш шифр, наш с ней язык.

Я закрываю глаза.

Лай-ла-ла-ла-ла-о-о-ла....

Как же хорошо. Ленин диван мягкий и родной. Я люблю ночевать в ее квартире. В нашей квартире. Я бы хотела, чтобы она была нашей.

Ленка почти закончила приготовления. Диск проиграл последнюю песню. С кухни доносится приятный аромат ягодного чая. Леночка знает, что я люблю его, к тому же это стало традицией. Мы всегда пьем вкусный чай в пирамидках перед выходом на очередную гулянку.

Весело хрустим лимонными вафлями. Светлые крошки падают в Ленкино декольте, она не по-женственному, а по-настоящему, по-своему гогочет и продолжает нести очередную околесицу. Я улыбаюсь, жую и улыбаюсь. Почему-то мне

хорошо. Здесь и сейчас. Странное чувство растекается под кожей, словно лучи солнца проникли в мое тело невероятной жидкостью и блуждают, изнутри смазывая все своим теплом. Этот дом, эта девушка, мои печали, слезы, смех – все соединилось здесь, в этой простой двухкомнатной квартире со скрипящими половицами. Под эти ковры забирались мои секреты, а стены берегут в себе отголоски ночных телефонных звонков. Здесь все про меня. Это даже больше напоминает любовь, нежели мои уже пережитые ночные припадки. Мне за них стыдно.

А ведь вымучивала из себя великую артистку, выкручивала пальцы, заламывала руки. Рыдала, воздух ртом ловила, как рыба. Шептала после, словно молитву, чего-то просила, и имя оставалось со мной, во мне всегда, все время. Сон был тревожный, тяжелый. Веки болели. Вот так. Постановка. Поаплодировал бы хоть кто. А сейчас... Сейчас это «улыбает». Дышится свободно. Отпустило. Уже отпустило.

Я лежу на большом бежевом диване, и мне действительно легко.

Ленка выбирает туфли.

– Смотри, вот эти визуально делают ножку меньше.

– Угу, а еще они делают кровавые мозоли. – Я перекидываю ногу на ногу и фирменно поднимаю левую бровь. – Я же помню ту пятницу.

– Фу, какая ты.

– Зачем вообще выбирать туфли, когда мы идем пьянствовать в небланную трехкомнатную хрущевку?

Лена опять выкатывает свои и без того большие глаза.

– Игорек! Саша, неужели ты не понимаешь?

Ленка немного нервно начинает переставлять коробки с обувью, все же оставив на полу белые туфли на высоченном каблуке.

– Ты снимешь их, как только зайдешь в дом, и Игорек тут же галантно предложит тебе переобуться в бабушкины «советские» тапки в серый горох. Он тебе их всегда дает, видимо в знак симпатии.

Ленка одним лицом показывает, что чихать хотела на мою иронию, и, кривя уголок рта, убирает все в шкаф. Белые ту-

фельки одержали победу надо мной и над общечеловеческой логикой. Как она в них пойдет по нашим дворам, между усыпанных декоративными мелкими плиточками пятиэтажками? Тем более после дождя? Отважная женщина.

Лена еще раз бежит в ванную уже обутая, и я слышу характерные «пыщ-пыщ». Это самое «пыщ-пыщ» сообщает мне, что прекрасный цветок по имени Лена хорошо полился духами, и теперь все готово, можно выходить, естественно, предварительно еще разочек заглянув в зеркало, находящееся уже в прихожей.

Глава 2

На улице моросит дождь. В сумерках города дома смотрятся угрожающе. Мне так кажется. Я больше люблю деревянные ссохшиеся домики. Они мне, что ли, ближе, понятней. Хоть я и прожила всю свою жизнь в обычной девятиэтажке. От высоких домов порой веет тоской и пустотой. Удивительно. Наверное, их стены видели и слышали столько историй, столько слез и смеха впитали в себя, что их терпение лопнуло: остались лишь пустота и холод. Нет в этих домах души – переизбыток жизни, слишком много людей для одного дома, вот он и изнашивается энергетически, становится абсолютно неживым. Мертвые камни. Нет, не поду-

майте, я нормальный человек и вообще не считаю, что у домов есть душа, но ведь утверждать, что от предметов или людей не исходит энергетика, для меня глупо. Вы ведь бывали в театре? Когда хороший актер выходит на сцену и начинает играть, он отдает тебе немножко себя, ты чувствуешь душевный подъем, возбужденность, легкость! Ты чувствуешь этого совершенно незнакомого человека так близко, почти что внутри. Так бывает и в жизни, кто-то отдает тебе часть своего счастья, становясь от этого еще более счастливым, а кто-то забирает рукопожатием последние душевные силы. Ладно. Итог – маленькие старенькие дома я люблю больше, вот и все. Кстати, я воображаю, будто каждый из этих домиков хранит в себе какую-то тайну, а если и не тайну, то крайне занимательную историю. Чувствую от них тепло, и они начинают казаться живыми. Есть такое выражение «греет душу», оно наиболее точно мне все объясняет. Я оттаиваю, выхожу из вечной мерзлоты будней, когда могу заглянуть в чужие окна старинных жилищ.

Дождь немного усилился, Ленка накинула капюшон своего кремового кардигана на взъерошенные волосы.

– Брр. Весна.

– Я по этой дороге ходила, еще когда была маленькой...

Ленка, не замедляя шага, быстро смотрит по сторонам, но явно не видит ничего такого, что могло оправдать резко нахлынувшие на меня ностальгические чувства.

– Я тоже.

– Нет, Лен, ты не понимаешь.

Я останавливаюсь, подруга, делая пару шагов, нервно оборачивается, ей не хочется торчать здесь, посреди улицы, в такую погоду, ей бы поскорее попасть в объятия к своему Игорьку.

– Ну чего?

– Мне тогда было лет семь. Я шла здесь, по этому узкому тротуару, и думала: вот будет мне двадцать, я пойду по этой дороге и вспомню себя, и словно срабатывает машина времени. Встречусь я настоящая с собой из прошлого, и это станет таким окошком во времени, через которое я смогу заглядывать

в разные моменты моей уже прожитой жизни. Я таких окошек много наделала. Как бы зафиксировала воспоминания.

Понимаешь?

Лена еще раз озирается по сторонам выискивая, что-то в ней меняется. Она улыбается.

– Сашенька, нам двадцать лет... Двадцать! Боже мой, могли ли мы об этом мечтать?

Я смотрю в ее сияющие глаза и делаю еще одно окошко, в этот самый момент. Он прекрасен. Она прекрасна.

Теперь мы смеемся уже вдвоем и продолжаем путь, который освещают нам вывески и витрины магазинов с красивыми женскими именами. Скоро мы завернем в очередной дворик, пройдем три абсолютно одинаковых пятиэтажных дома и окажемся у знакомого подъезда, того места, куда стараются не ходить хорошие девочки. Но мы не хорошие, мы обычные, поэтому смело проделываем свой привычный путь.

У подъезда Лена достает пудреницу и с недовольным ви-

дом пытается перевести былое великолепие в порядок:

– Кошмар какой.

– Да все нормально, успокойся, ты надела свою лучшую юбку, думаешь, кто-то обратит внимание на размазанный глаз?

Лена улыбается и толкает меня в плечо.

– Какая же ты...

– Стерва?

– Хороший человек, Сашенька, очень хороший. Мне прям даже легче стало. Я немного волнуюсь.

Еще дома я заметила, что Ленка сегодня собиралась не только дольше обычного, но и гораздо скрупулезнее. Даже вырядилась в свое «красное-прекрасное» белье, она сама его так называла. И конечно, я знала, что Лена считает, будто если женщина надевает шикарное бельишко, то неважно, в каких убогих штанах она будет в этот день, все равно от нее начнет исходить достаточно сильная сексуальная энергетика. Ха. Но сама она никогда не надевала убогих штанов. За-

метьте! Но доля истины в этих словах действительно была. Испытано на собственном опыте!

Недавно я пыталась купить просто обалденный комплект, но, видимо, моя внешность не настолько презентабельна. Тенька-продавец вытаращила на меня все, что только можно было вытаращить, и драматическим сопрано объявила, что данная модель стоит целых три тысячи рублей! Батюшки-светы... Может быть, я и не обладательница глянцевої внешности, но с чувством юмора у меня все замечательно, а абсурдные ситуации – мой конек по жизни. Поэтому, округлив свои ненакрашенные глаза, я начала пятиться к выходу магазина и почти что задыхаться от ужаса. Миновав стеклянные двери, я брызнула безудержным смехом. Но если честно, было обидно. Видимо, я не очень дорого выгляжу. Моя естественность не воспринимается как что-то привычное, а является исключительным признаком бедности.

Не нарастила ногти, не покрыла гель-лаком и даже не накрасила их обычным? Девочка, у тебя вообще работа-то есть? Божечки, да у нас тут еще отсутствие 5Д ресничек и свои брови!!! Может, тебя накормить?

Мда, вот так. Но я не обижаюсь, иначе бы мне и вовсе пришлось застрелиться, глядя на идеальный блеск кожи девиц с первых страниц гламурных изданий.

А я чувствую себя достаточно комфортно в моей шкуре, в этом районе, в этом дворе и у этого подъезда. Здесь мое место. Не больше и не меньше.

Глава 3

Когда тебе предлагают тапки в чужом доме, главное не прогадать и, соизмерив все риски за и против, правильно отказать в случае «биологической угрозы». В моем случае такая угроза была, и я предпочла засаленным розовым сланцам свои синтетические носочки, купленные в магазине фиксированных цен. Леночке же, как всегда, достались бабушкины тапки советского образца, которые превращают ее чуть ли не в хозяйку дома.

Игорек, уже немного веселый, встречал нас радостно и со вкусом. Наверно, он чуть ли не единственный человек на планете, которого легкая картавость не портит, а делает только привлекательнее. Леночка зарозовела с ног до головы и сразу про меня забыла. Мы вошли в душную комнату, в которой пахло апельсинами и дешевым пивом.

– А вот и еще девчонки пожаловали. Садись, моя пгпринцесса, и ты, Сашка, усаживайся, пгрошу.

Игорек, как фокусник, из ниоткуда берет еще две табуретки с шатающимися ножками и усаживает нас за стол. Народу много, как всегда в этой квартире. Здесь ты можешь встретить почти кого угодно. Отказаться от посещения этого места плохой тон, сюда не приглашают чужаков. Хоть раз оказавшись в этих стенах, ты перестаешь быть чужим для этих людей, ты – свой.

Толстая, пока незнакомая мне девица густо смеется, потрясая увесистыми грудями. Ее спутник пьян и разгорячен, хорошо, что здесь три комнаты и очень много шума. Мы выпиваем по кружке пива. Удивительно, как такая фифа, как Леночка, с легкостью перевоплощается в настоящую боевую подругу, и вот она уже не морщится от запаха селедки и с легкостью балерины опрокидывает пару рюмашек чего покрепче. Я пью сок. Сложно в таких компаниях пить сок, но я научилась. Очень важно не отказаться от первой кружки, рюмочки или бокала, иначе это может оскорбить хозяев. Но дальше ты вольна делать все что пожелаешь, главное заранее запастись соком, и все будет в ажуре.

Когда спиртное начинает кончаться, возникают важные и почти нерешаемые вопросы – «кто побежит, за чем побежит?». И вот девушки хором просят вина или ликера, а парни настаивают на коньяке, ну в самом деле, не понижать же

градус? Я сижу тихо и глажу рукой шершавый, как асфальт, плед, накрывающий старый пружинистый диван. Я не участник, я наблюдатель.

Когда сложнейшие вопросы решены, а рука Игорька уже касается колени моей подруги, я ухожу в соседнюю комнату. Видимо, здесь и спит обладательница тех самых лучших тапок.

В глубоком кресле сидеть неудобно, ну а что поделаешь? Находиться среди этих людей мне порядком надоедает уже со второго часа нашей гулянки. Как же непросто быть молодой. Завести себе, что ли, дюжину кошек и вовсе не вылезать из дому? Хотя есть в этих тусовках нечто притягательное, почти магическое. Но вот что?

Слышно, как в прихожей захлопнулась дверь. Интересно, а Леночка передела свои прекрасные тапочки на белые туфли или пошла курить так, наплевав на красоту? Сложно быть сексапильной в обшарпанном подъезде панельного дома, при этом стряхивая пепел в баночку «Нескафе», но я уверена, что у нее получится.

В квартире осталось трое: я, низенький крепкий парень Витя и еще какой-то овощ в бессознательном состоянии. Витя постучал в комнату.

– Привет, че сидишь?

– Не курю.

– Правильно. Это правильно, я тоже. Пиво будешь?

Он достает коричневую бутылку без этикетки и трясет ей перед моим лицом.

– Спасибо, у меня свое.

Витя молчит, но не уходит. Подсаживается на соседнюю кровать. Я чувствую напряжение.

– Это, а ты ничо такая.

– Приятно.

– Ага, а че, ты правда на Денчика запала? Уже три года по нему сохнешь, все одна. Тупо как-то.

Действительно, «тупо». Лучше бы я ушла вместе со всеми и держала эту грязную банку «Нескафе» с вонючей водичкой на доньшке. Но нет, нужно улыбаться и быть как можно проще.

– Да я и не сохну ни по кому. Что было, то прошло, просто не готова я еще.

– Кхм, а че, у вас че было, да?

Мне становится тяжело сдерживать волны сарказма, иронии и злобы, еще можно притвориться пьяной и уснуть, развалившись в бабусином кресле? Ну почему лучшие идеи всегда приходят так поздно!

– У нас ничего не было, все это осталось в прошлом. Школьная любовь, все дела. А у тебя как?

Если его нельзя заткнуть, пускай лучше он заполнит несвязными звуками и бульканьем истории из своей жизни.

– Хм, ну че. Я типо это, уже пять лет один, ты там не по-

думай че. Там это, я просто не нашел ту самую еще, понимаешь?

Я смотрю на его маленькую плечистую фигуру и бугри-
стое лицо. «Ту самую» – в смысле хоть какую-то, которая бы
согласилась? Господи, как тяжело сдерживаться, но каждое
несказанное грубое слово – это моя безопасность в этой все
же чужой квартире.

– Ясно.

Он смотрит на меня своими маслянистыми маленькими
глазками и садится ближе, я чувствую касание его рыхлого
бедр. Буэ, меня сейчас стошнит. Я понимаю, к чему он кло-
нит – одинокая, не самая симпатичная, у меня даже лицо
не нарисованное, да кому я нужна такая? Разве что карли-
ку с прыщавым лбом, но уж точно не молодцу-спортсмену.
Что ж за банный лист такой? Сколько же можно курить?..
Леночка, милая, где ты? Но Леночка все воркует, ее звонкий
радостный голос разносится на несколько пролетов этажей.
Она счастлива и пьяна. Я зла и трезва, мой банный лист про-
должает:

– Ну, это, че сидишь-то? Давай, что ли, потанцуем.

Я чувствую от него какую-то необъяснимую угрозу. Вся эта милость с его стороны слишком напоминает плохо сыгранную пьесу. Я понимаю, что любое мое движение может спровоцировать его на действия, а потом он скажет, мол, сама полезла, дура несчастная, с горя на каждого встречного-поперечного уже кидается, да и даята была к тому же.

Я щупаю его глазами, выискиваю, что скрывается за стеной примитивных слов и напускного спокойствия. Он одинок, глуп и некрасив. Ему хочется женщины, настоящей, живой, теплой. Он лишь ищет предлог, чтобы вцепиться в меня и взять все что может, пока на мой крик не прибежит хоть кто-то здравомыслящий и в меру трезвый. Сейчас я на минном поле. Я соглашаюсь на танец, Это поможет убить время до прихода ребят.

Медленно встав, он неуклюже берет мои руки и начинает напевать какой-то глупый лирический мотивчик, пошатываясь влево и вправо. Я беру его потные маленькие ладошки и тоже принимаюсь качаться. Мне виден его сальный затылок, мой левый глаз начинает дергаться.

Клац, клац. Ключ поворачивает щеколду основной двери, и в квартиру вваливается шум и веселье во главе с моей подругой и Игорьком. Я мигом выскальзываю из мокрых ручонков Витька и бегу в коридор, с неподдельной улыбкой обнимаю Леночку и прощаюсь с ее кавалером.

В подъезде пахнет синим «Бондом».

Я выбегаю в ночь.

Глава 4.

Во дворе пахнет свежестью и свободой. Желтые огни окон преследуют каждый мой взгляд. Город не спит, в нем дышит молодость. Моему существу бы сейчас пригодилась сигаретка, чтобы важно выпускать из себя дым, словно это не дым, а мысль, которая родилась внутри меня и вышла в этот прекрасный дремлющий мир клубящимися серыми струями. Вдыхаю. Все хорошо.

Как всегда в такие часы, во мне начинает зарождаться тревога, но она не угнетает, а лишь является напоминанием о том, что я тонко чувствующая натура. Дура. Вот так. Все-таки опять скатилась в озлобленность. Еще дядюшка Фрейд знал, что нереализованная агрессия превращается в депрессию, ту же агрессию, но направленную на самого себя.

Эх... Наверное, стоит объяснить... Вы когда-нибудь собирали пазл? Иногда на заводе бывает допущен брак, и вот картинка вроде бы собрана, но один из пазликов так и болтается, так и пытается выскочить из этой самой картинки. Всем видно, что это его место, что по-другому быть не может. А он все болтается и болтается туда-сюда, не давая покоя ни себе ни людям. Вот это и есть я. И что делать с этим браком, совершенно не ясно. Но самое удивительное – всех вокруг это устраивает, и даже Ленка вызывает больше вопросов, чем я. При ее поведении настоящей оторвы, которая может запивать вино ромом с колой, ей однажды задали вопрос: «А что ты тут делаешь?» Вопрос задала пьяненькая очень худенькая девушка. Ленка не сразу опомнилась и переспросила заплетающимся сонным языком, на что нетрезвая Дюймовочка заявила: «Ну ты ж красивая, зачем тебе это все?» Ленка не нашлась что ответить и смачно глотнула прямо из синей бутылки, чтобы побыстрее сменить тему разговора.

– Сашок!

Я вздрогнула, оцепенение отпустило меня. Теперь нужно было справиться с нахлынувшим волнением, как хорошо, что в темноте не видно зарозовевших щек.

– Какие люди в Голливуде, здорова, Саш, чего тут, к

Игорьку собралась?

– Здравствуй, Денис... Я... Я только от него.

Денис, как всегда, улыбочив и весел, его высокая стройная фигура выглядит величественно на черном фоне ночного города, подсвеченного золотым светом редких огней.

– Ясьненько, понятьненько. Домой или дальше развлекаться?

– Домой, вниз. Там есть тонкая улочка рядом с церковью. Я люблю гулять там одна.

– Понял, понял.

Только сейчас я заметила в его руках бутылку, он сделал большой глоток и промокнул свои упругие губы ладонью.

– Ладушки, а то смотри, я тоже в той стороне обитаю – могу проводить.

Да ты что? Обитаешь в той стороне? Я сжала зубы и попыталась выдавить вежливую улыбку. Ах, милый наивный Денчик, если бы ты знал весь масштаб моего безумия...

Я знаю не только среду твоего обитания, а даже твой телефон, знаю твой дом номер сто восемь и прекрасно знаю, что в четвертом подъезде на третьем этаже твоя двухкомнатная квартира часто пустует по причине отсутствия в ней как тебя, так и твоей много работающей матушки Ирины Васильевны, бухгалтера в одной небольшой строительной фирме. Я знаю, что ты любишь легкий рок и блондинок, чипсы со вкусом краба и светлое пиво. Знаю, что на своем выпускном ты вывихнул левую ногу, и твой лучший друг Шаман весь вечер протаскал тебя на своей спине. У меня есть фото этого вечера и фото тебя в первом классе. А еще однажды я провела целый день в парфюмерном магазине, пока не нашла запах твоих духов.

Но да, ты обитаешь в той стороне, как ни странно.

– Действительно? Ну... Если только нам по пути.

Стало холодно? Я почти не дышу, боясь спугнуть этот момент, боясь растворить его в своем одиночестве. Почему мой

голос так дрожит? Я же уже оставила все эти сумасбродные выходки в прошлом, только лишь иногда обращаю внимание на брошенные пачки «Мальборо» и представляю, что эту бумажку смял именно ты, своими длинными гибкими пальцами с аккуратными розовыми ногтями...

Денчик, словно читая мои мысли, закуривает. Золотистая пачка вновь оказывается в кармане его темно-синих джинсов. Я принимаюсь глубоко вдыхать этот дым, мне кажется, что он связывает нас, делает одним целым.

Мы медленно начинаем идти.

Ленка сошла бы с ума. И сойдет, если мое сердце не разорвется и я доживу до утра, чтобы с первыми лучами солнца позвонить и выложить ей все это на одном дыхании. А ведь сколько ночей мы с ней провели, обсуждая каждую случайную встречу с тобой, мусоля каждый твой взгляд, улыбку и скупое слово, милый Денчик.

Лене действительно удалось убедить меня в тайных знаках и намеках, в том, что ты влюблен и боишься признаться, в том, что все это не глупая случайность. Я верила. Верила! А теперь иду рядом и не верю.

Вновь начинает моросить мелкий дождь.

Глава 5

Дождь – это музыка, но ее нужно слушать кожей.

Я раскрываю ладони навстречу мелким каплям. Мир вокруг сжался, обесценился, обесцветился, есть только наши шаги в этой пустынной улице.

Ты говоришь о собаках, я улыбаюсь и отвечаю односложно «да, уга, ага, правда?» Но тебя, кажется, устраивает собеседница со словарным запасом одной известной особы по имени Элла. Мы все идем, и мой дом выделяется из десятка других лишь тем, что именно здесь все и закончится.

Вот и все. Мой подъезд с исписанными черным маркером дверьми: «*хочешь зарабатывать 200 К? В месяц*», «*соль Al'bus89354...*» и еще куча подобной дряни. Скука. Денчик молчит.

Я не осмеливаюсь завершить этот момент, для меня это словно убийство, но мучение достигает предела. Скажи мне

«пока», дай мне шанс просто уйти, не разлетевшись вдребезги. Пожалуйста, отпусти меня...

– Слушай , Саш, а ты там... как, что? Одна?

– В смысле?

Сердце мое екает, ойкает и барабанит по батареям.

– Ну, я что думаю, у меня тут коньячок. Одному пить не гуд, у меня дома маман, может, к тебе?

Я растекаюсь по асфальту. Вот надо же иметь столько наглости! И ладно бы весь район не болтал о его разрыве с красоткой Дианочкой с третьего курса медицинского...

– Эмм... Прости, я не...

– Предки дома? Ну ладно, видать, не судьба. Я просто думал, мы же вроде как друзья, со школы знакомы, с одиннадцатого класса.

– С десятого. Нет.

– Что нет?

Я явно смогла озадачить моего мужчину мечты. Со мной нужно учиться вести разговор. Он этого знать не мог, бедняжка.

– Нет у меня никого. На даче, сезон шашлыков открывают. Просто я... – Мне стоит большого труда отказать ему, я не верю в его искренность и не хочу быть ему другом, я не смогу быть рядом и не быть вовсе, это мучительно, это садизм. Лучше сказать все сразу. Не оставлять шансов. Я переболела. Это остаточное, оно проходит. Не поддаваться, не верить, не ждать. Просто отказать ему. Просто... Ведь это просто, да? Сказать – нет. Нет. Скажи, черт побери, «нет»!!! – ЭМММКККХХ...

– Саша, все в порядке? Давай зайдем в подъезд, а то так и заболеть можно.

Ну вот, это первая продолжительная беседа с парнем, из-за которого мне пришлось купить новую подушку, а я уже

произвела впечатление идиотки.

– Денис. Я... Кхм. Я пойду.

– Давай я тебя, что ли, до двери провожу, ночь все-таки. Ты на каком этаже?

Нужно было сказать, что родители дома. Чертова привычка говорить правду! И да, я не считаю постыдным, что двадцатилетняя дылда все еще обитает в своей естественной среде заботы мамочки и папочки. Хотя немного завидую Ленке, ведущей вполне себе вольную жизнь в доставшейся от покойной бабули квартире.

Как-то неожиданно мы оказались на моей лестничной клетке, трясущимися руками я пытаюсь достать ключи.

Он рядом.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной, слушай, пусти в туалет. Я уйду, просто ре-

ально...

Я морщусь и, не в силах слышать еще хотя бы одно слово, открываю тяжелую дверь.

Глава 6

Его синяя олимпийка инородно смотрится в моей маленькой прихожей. Мокрые грязные следы раздражают мою внутреннюю домохозяйку, но внешняя лентяйка, как всегда, побеждает в секундном споре за чистоту.

Я прохожу на кухню.

Денчик выходит из ванной с мокрыми руками.

– Не знал, каким полотенцем вытеретьь.

Шлеп, он оставляет мокрые следы на своих тугих штанах.

– Слушай, извини за вторжение. Давай коньячка плесну, согреешься, а то ты дрожишь вся.

– Франция или Италия?

– Что?

– Интересно, где на самом деле был придуман первый коньяк, во Франции или Италии? Город назывался «Коньяк», это во Франции, а в Италии есть легенда о виноградном бренди.

– Не думал об этом...

– Плесни.

Я достаю белые кружки, и мы начинаем пить, неловко и чопорно. Я слишком серьезна, он механистичен. Все это напоминает поминки здравого смысла.

– Эм. Помнишь Шамана?

– Ага.

Хлюп. Чафк. Прелестная ночь.

– У тебя можно курить?

– Нет, мать повесится.

– Оу... Это серьезно.

Молчим.

Как хорошо, что судьба не дала мне возможности стать его девушкой, иначе бы можно было уже захлебнуться тишиной. Лингвистический пост. Языковая диета. Словесное воздержание. Господи, да что с нами происходит?

Почему его темные волосы сплетаются в упругие смешные завитки и не дают покоя моему взгляду? За что он смотрит на меня своими пьяными голубыми глазами, сидя на моей кухне, на моей табуретке, на которой я так часто сидела и мечтала о нем же за утренним чаем? За что это мне теперь?

Сейчас! Когда уже казалось, что выдох был и предстоит новый вздох, но пошло не в то горло, и боль пронизывает пищевод... Или это душа, а не пищевод? Никогда не была особенно набожной, только если в той самой всуе. Да что ж за голова-то у меня такая. Сосредоточься и скажи ему что-нибудь ни к чему не обязывающее, чтобы можно было спокойно допить и попрощаться как друзья. Так, настройся, вдох, еще вдох, – давай!

– Эмм... А что ты думаешь о... – курицах, нет никто не говорит с мужчинами о курицах, к тому же он может подумать, что это плохо завуалированная отсылка к его бывшей, так-так, сосредоточься он смотрит на тебя. Уф, уф, выдох, давай, девочка, соберись! – О... Об... Оо... Дюймовочке? Да! О Дюймовочке, очень печальная история.

– О. Ну, нормальная такая сказка, чего печальная-то?

– Смерть всегда печальна.

– Так там никто не умер.

– Как? Нет, нет, мы явно говорим о разных сказках. Птица умерла, а после это существо восстало из мертвых и отнесло девочку в прекрасную страну? Нет, нет, здесь явная аллюзия

на Рай, крылатый прелестный народец...

– Сашенька...

В меня впиваются его губы. На вкус они хуже, чем на вид, он плохо владеет своим языком. Мой квадратный зад упирается в стол, и я поддаюсь. Странно, он не такой вкусный, как в моих снах, где-то неуклюжий и совсем нетрезвый, его руки сразу проникают под мою майку.

– Не нужно, Денс.

– Ну чего ты? Я все знаю, не ломайся...

Он не ласкает мне шею и плечи, не целует с придыханием запястье, он просто сосет мою нижнюю губу, кряхтя и отдуваясь, как старый дед. БДЫЖЬ! С таким звуком разбивается мое очарование им.

За окном злая полная луна выплескивается медовым блеском по скучающему небу. Она интересней, чем его поцелуи. Он резко поворачивает меня спиной к себе.

– Пусти.

– Да че ты, уже начали же.

Его руки крепко сжимают мои, и я чувствую напор, он возится со своей ширинкой.

– Пусти, говорю!

Денис явно воспринимает мою борьбу как заигрывание и не без труда закидывает меня на плечо, несет в комнату. Я пытаюсь вырваться, но он груб и упорен.

– Пожалуйста, не трогай меня...

Я плачу, а паузы между словами заполняет его горячий-неуклюжий язык. Он наваливается на меня всем телом, он не жалеет меня, не думает обо мне, в его руке крепко сжата моя грудь, от напора кажется, что она вот-вот лопнет, мне очень больно, но больше страшно. Голос застревает в глотке. Мне сложно кричать, я несу что-то бессвязное, повторяю его имя все так же в своей постели, но уже не зовя, а отгоняя,

моля его не о любви, а о пощаде.

– Денис, пожалуйста...

Он закрывает мой рот.

Я кричу и в последней попытке спастись от неизбежного сжимаю ноги и извиваюсь, как уж на сковородке, ни разу еще мое тело не обладало такой грацией. Видимо, мне удалось задеть его, сделать ему больно, он отпускает меня. Бросает, почти плюет в меня.

– Шлюха, зачем пустила тогда?

– Убирайся вон, урод! Мразь поганая!

С невероятной резвостью я вскакиваю с кровати и хватаю его за шкибот. Удивительно, откуда во мне взялось столько силы, но, видимо, адреналин и впрямь чудесная штука. Я открываю дверь и пинком вышвыриваю это пьяное тело в подъезд.

– Куртку верни!

С удовольствием, мне твои вонючие тряпки не нужны, лишь обтираться об них. Я резко хватаю его олимпийку и со вкусом швыряю в его лицо.

ХЛОП!

Вот теперь действительно все. Аплодисменты!

Мужчина мечты, мать его...

Глава 7.

Я осталась одна со звоном тишины в ушах. Голова проламывалась от натиска обрушившегося на нее отчаяния. Я принялась тереть виски. Мои руки синие. Все в пятнах. Болит.

Кричать не хочется. Я не чувствую течения жизни в моих венах, словно все тело – мокрые тряпки. Марионетка. Марионетка с разорванным ртом. Меня начинает швырять из

стороны в сторону, тело бьется о стены и шкафы узкого коридора. Хватит. Хватит. Сглатываю сухость во рту и бегу в свою комнату. На столе лежит исписанная лекциями тетрадь, вырываю последнюю страничку и судорожно ищу карандаш, ручку, да хотя бы и кусок угля! Черт. Ну вот, наконец – огрызок тупого карандаша, мне хватит. Пишу резко, острыми углами букв, не свойственным мне почерком:

«Я хочу рисовать свет,

Я хочу рисовать тень,

Мне не нужен больше ваш шанс,

Мне не нужен больше ваш день.

Я хочу засыпать враз,

Я хочу уходить два,

Не могу больше быть так,

Словно воздух не он – газ,

Я сломала себе очки,

Не носила их никогда,

Все, что было плохое, уйди,

Свет забил уголки глаз,

Я сломала себе зрачки,

Я сломала себе тебя,

Вот теперь уже уходи,

Это больше не про меня...»

Фу-у-ух... Ну вот и докатилась, мои первые стихи. Получилось плохо, но мне реально стало легче, словно я выплеснула все лишнее из себя. То, что мешало, доставляло дискомфорт, кололо, давило на череп... Это как рвота. Раз – и тебе стало лучше. Интересно, насколько вообще морально использовать искусство в целях очищения себя от грязи? Не становится ли оно токсичным после таких вот манипуляций? Это эгоизм в чистом виде, но я не великий поэт, поэтому не буду терзать себя мыслями о творчестве... Или? Если честно, думаю, что искусство – это в некотором роде точка зре-

ния творца в общем, а не секундная слабость. И да, эта точка зрения имеет, между прочим, размеры вселенной. Человек, занимающийся творчеством, видит жизнь немного по-иному, и это подталкивает его не только опираться на уже существующие возможности мира, а находить абсолютно новые.

Можно подумать и на тему «искусство и человек» – всегда ли человек и есть творец? Или искусство полноценно и может существовать без человеческого вмешательства? Пример: природа. Розовый закат в сиреневых облаках с растекшимися белыми разводами... Пускай это мгновение, но что в нем? Где грани и пределы искусства? Кто стоит во главе? Человек или вселенная? Искусство должно быть движением вперед. Попыткой постичь что-то новое, необъятное, вечное. А мои потуги – это так, гигиена чувств и эмоций, выплюнула и довольна. Хотя, должна признать, такие мысли помогают отвлечься – думай о том, что тебе не свойственно, и будет легче. Неплохой способ. Нужно запомнить.

Мда... Ладушки. Теперь уж точно все. Успокоилась.

Приехали.

Вернемся к точке отсчета. Денчик.

Моя первая страстная любовь, заплаканные глаза и тыся-

чи смоделированных ситуаций нашей счастливой семейной жизни. Все это рухнуло на меня мраморным надгробием собственных мечт. Много намечтала – лихо получила. Это нормально. Я даже чувствую себя лучше. Нет, честно. Во мне, наконец, что-то изменилось, что-то наладилось.

Я даже подозреваю, что конкретно. Надежда. Да-да. Именно! Ведь это чувство сродни крысе, приспособливается к любым обстоятельствам и скребется внутри своими когтистыми лапками. Ты ей: «Ну хватит, хватит, все же ясно, ничего не будет», а она тебе: «Да, не будет, невозможно... Ля-ля-ля.... м-х-х.... тру-ту-ту.... мммм... а вдруг?» И ты такая – «Черт! Черт! Черт!». Как же избавиться от этого ощущения? Отчиститься, отмыться, чтобы не свербило внутри и можно было жить дальше – просто, без затей. Но оно зудит, зудит...

Когда ты расстроена – можно реветь, вымазать лицо тушью, слезами, соплями, да чем угодно – тебе становится легче. Когда ты злишься, можно орать, матюкаться, в конце концов, разбить что-нибудь или дать кому-нибудь в лоб... С надеждой не так, она вцепляется в тебя своими безжалостными конечностями и врастает в твое существо, бороться с ней бесполезно, ее не выскоблишь, не вытравишь. И вот, только доходя до самой точки невозврата – будь то окончательный проигрыш, смерть или насилие, – она перестает существовать. И ты очищаешься через свое падение. Воскреса-

ешь оплеванным, но новым, без этой вечной чесотки у тебя в мозгу. Вот и мой час настал.

Наконец. Какое облегчение.

Глава 8

– Да ладно!

Ленка в порыве чувств отковыряла свой наращенный ноготь.

– Вот гад... Не, ну это ж... Тебе налить чего?

– Нет, не нужно, но я в шоке от его наглости. Когда он успел все разболтать?

– Я тебе больше скажу, даже я поверила... Думала, ну ты и гадюка, раз мне первой не рассказала! Там уж такие подробности обсуждают, – как, где и с какого бока...

– Воистину! Чем жестче ты оказываешь парню в близости, тем изощреннее ваши интимные отношения с ним в его рассказнях друзьям.

– Мда... это... смотрю, ты не сильно расстроена. Уф... Синяки-то какие...

Ленка с жалостью и болью глядит на мою грудь.

– Зачем же ты такой вырез надела?

– А чего мне стесняться? Мне совершенно не стыдно за синяки, мне даже больше стыдно за тех, кто распускает эти поганые слухи. Хотя шут с ними... Пускай терпят.

– Сашенька, ты точно в порядке? Почему в полицию не пошла? У тебя же побои...

– Ох, моя дорогая... Кончилась целая эпоха в моей жизни! Он оказался конченной... Плохим человеком, проще говоря. Но. Но мои мысли, мои сны! Они стоят того, чтобы существовать в воспоминаниях, стоят того, чтобы законсервировать их на дне памяти и беречь, как бусины-пустышки, просто потому что они красивы.

Лена молчит. Ей тяжело глотать.

– Саша.

– Да?

– Помнишь ночь, когда Денчик забежал к Игорьку за своей курткой, которую давал ему поносить?

– Ну?

– Я курила на кухне. Он зашел попить воды.

– И?

– Он меня целовал...

– ...

– Нет, не так, как любимую, а так, как целуют любую попавшуюся симпатичную девушку, когда ты весел и пьян... Саша... Саша!?

.....

Глава 9

Странно, что она еще не утонула в этой горячей, пахнущей мятными травами воде. Склонившись так близко к прозрачной водной глади, она наблюдала, как ее темные волосы танцуют, напоминая затейливые черные кораллы. Вздох, и ее лицо уже внутри этого танца. Волосы смешались с ресницами. Бульк. Бульк....

Час назад она обнаружила себя на диване в собственной комнате с закрытыми шторами. От нее пахло текилой и виски, а грязный след от туфель тянулся до самого спального места. Какой позор. В ее годы многие уже нянчат детей, а вот Саша сбрила свои брови. Сегодня, перед тем как вернуться в эту душную квартиру, она взяла ножницы и бритвы, кромсала и вздергивала все, на что хватило сил. Телевизор работал без звука, отражая параллельную слащаво-красочную реальность. Эта чертова медиаккультура идеализирует зло, да и не только медиа, вся культура в общем. Красивые ведьмы, притягательные темные маги, и даже дьявол неприлично сексуален. Разве это дело? А еще тампоны рекламируют, на весь экран...

Саша уже вышла из ванны, но липкий туман из головы не ушел, казалось, там, в ее черепе, что-то набухает, натирается, что-то похожее на мозоль отчаяния. В квартире тихо.

В эту вязкую тишину маленькой комнаты назойливо пробивался звук кухонных часов, он просочился сквозь дверь и тихо доползал до кровати Саши. «Тик» – шаг, «так» – два, «тик» – шаг, «так»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.